ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ГОСУДАРСТВ И ФИЗИЧЕСКИХ ЛИЦ ЗА НАРУШЕНИЯ НОРМ МЕЖДУНАРОДНОГО ПРАВА: ПРОБЛЕМА «РАЗРЫВА ОТВЕТСТВЕННОСТИ» И ЗАДАЧИ ДЛЯ РЕСПУБЛИКИ УЗБЕКИСТАН

Тешаева Мухаббатбегим Илхомжон кизи
Университет Международной экономики и Дипломатии
Факультет: Международное право
Muhabbatbegimteshaeva@gmail.com

Аннотация. В тезисе рассматривается соотношение двух режимов международно-правовой ответственности: ответственности государств и индивидуальной уголовной ответственности физических лиц. На материале практики Международного суда ООН, МТБЮ и МУС показано, как возникает «разрыв ответственности». Оценивается, насколько уголовное законодательство Республики Узбекистан соответствует международным стандартам, и предлагаются меры по его совершенствованию.

Ключевые слова: ответственность государств, международная уголовная ответственность, атрибуция, эффективный контроль, иммунитет должностных лиц, Римский статут, Уголовный кодекс Республики Узбекистан.

Annotatsiya. Tezisda xalqaro-huquqiy javobgarlikning ikki rejimi, ya'ni davlatlar javobgarligi va jismoniy shaxslarning individual jinoiy javobgarligi o'rtasidagi nisbat ko'rib chiqiladi. BMT Xalqaro sudi, Sobiq Yugoslaviya bo'yicha xalqaro tribunal va Xalqaro jinoiy sud amaliyoti asosida «javobgarlikdagi uzilish» qanday yuzaga kelishi ko'rsatib berilgan. O'zbekiston Respublikasi jinoyat qonunchiligining xalqaro standartlarga qanchalik mos kelishi baholanadi va uni takomillashtirish bo'yicha choralar taklif etiladi.

Kalit so'zlar: davlatlar javobgarligi, xalqaro jinoiy javobgarlik, atributsiya, samarali nazorat, mansabdor shaxslar immuniteti, Rim statuti, O'zbekiston Respublikasi Jinoyat kodeksi.

Abstract. The paper examines the relationship between two regimes of international legal responsibility: state responsibility and the individual criminal responsibility of natural persons. Drawing on the case law of the International Court of Justice, the International Criminal Tribunal for the former Yugoslavia and the International Criminal Court, it shows how a "responsibility gap" arises. It assesses how far the criminal legislation of the Republic of Uzbekistan meets international standards and proposes measures to improve it.

Keywords: state responsibility, international criminal responsibility, attribution, effective control, immunity of state officials, Rome Statute, Criminal Code of the Republic of Uzbekistan.

В XX–XXI веках система международно-правовой ответственности заметно усложнилась. Рядом с классическим институтом ответственности государств сложился самостоятельный институт международной уголовной ответственности физических лиц. Его заложил Нюрнбергский трибунал, а развили ad hoc трибуналы и Международный уголовный суд. Два режима существуют параллельно, и это создаёт как теоретические, так и практические проблемы. Для Узбекистана вопрос имеет практическое значение в связи с правовыми реформами, начатыми в 2017 году, и конституционной реформой 2023 года.

Исходный тезис исследования таков: государственная и индивидуальная ответственность не конкурируют, а функционально дополняют друг друга. Эта позиция опирается на теорию функциональной дополнительности Б.И. Бонафэ1 и закреплена в нормах. Статья 58 Статей об ответственности

1 Bonafè B.I. The Relationship Between State and Individual Responsibility for International Crimes. Leiden; Boston: Martinus Nijhoff Publishers, 2009..

государств 2001 года2 и статья 25(4) Римского статута3 одинаково указывают, что ответственность в одном режиме не исключает ответственности в другом. Однако на практике режимы взаимодействуют с серьёзными трудностями.

Первая проблема это разные стандарты атрибуции поведения государству. Международный суд ООН применяет критерий «эффективного контроля», сформулированный в деле «Никарагуа против США» (1986) и подтверждённый в деле «Босния и Герцеговина против Сербии и Черногории» (2007)4. МТБЮ в деле Тадича (1999) применил более мягкий критерий «общего контроля»5. Одни и те же события в Сребренице привели к уголовной ответственности конкретных лиц, но не к ответственности Сербии за совершение геноцида: суд признал лишь, что Сербия нарушила обязанность предотвратить геноцид6. Кроме того, стандарты доказывания различаются («убедительные доказательства» против «вне разумных сомнений»), поэтому одни и те же факты получают в двух режимах разную оценку.

Вторая проблема — иммунитет должностных лиц. В деле «Об ордере на арест от 11 апреля 2000 г.» (2002) Международный суд ООН подтвердил абсолютный характер иммунитета ratione personae действующего министра

2 Резолюция Генеральной Ассамблеи ООН 56/83 «Ответственность государств за международно-противоправные деяния» от 12 декабря 2001 г. // Doc. A/RES/56/83. Ст. 58.

3 Римский статут Международного уголовного суда от 17 июля 1998 г. // UNTS. Vol. 2187. No. 38544. Ст. 25(4).

4 ICJ. Application of the Convention on the Prevention and Punishment of the Crime of Genocide (Bosnia and Herzegovina v. Serbia and Montenegro). Judgment of 26 February 2007 // ICJ Reports 2007. Paras. 400–407.

5 ICTY. Prosecutor v. Duško Tadić. Case No. IT-94-1-A. Appeals Chamber Judgment of 15 July 1999

6 ICJ. Bosnia and Herzegovina v. Serbia and Montenegro. Op. cit. Paras. 430–438.

иностранных дел перед национальными судами7. Апелляционная палата МУС в деле Аль-Башира (2019) пришла к противоположному выводу: иммунитет главы государства не действует в отношениях с международным судом8. Эта коллизия до сих пор не разрешена на универсальном уровне.

Вместе эти факторы порождают феномен, который в работе назван «разрывом ответственности»: полноценную ответственность за нарушение не несёт ни государство, ни конкретное физическое лицо. Частично этот разрыв компенсирует практика региональных судов по правам человека. ЕСПЧ и Межамериканский суд возлагают на государство позитивные обязательства расследовать нарушения и наказывать виновных.

Анализ национального законодательства показывает, что Узбекистан присоединился к основным договорам ООН в области прав человека ещё в первые годы независимости, но имплементирует их избирательно. Римский статут до сих пор не ратифицирован. В Уголовном кодексе Республики Узбекистан выявлены три системных пробела9:

нет самостоятельного состава преступлений против человечности;

состав военных преступлений (ст. 152 УК) фрагментарен;

определение пытки в ст. 235 УК сводит круг потерпевших к участникам уголовного процесса, что расходится со ст. 1 Конвенции ООН против пыток10.

Сравнение с законодательством Казахстана, Кыргызстана и Таджикистана показывает, что эти пробелы характерны для всего региона, а

7 ICJ. Arrest Warrant of 11 April 2000 (Democratic Republic of the Congo v. Belgium). Judgment of 14 February 2002 // ICJ Reports 2002. Paras. 54, 58.

8 ICC. Prosecutor v. Omar Hassan Ahmad Al-Bashir. Case No. ICC-02/05-01/09 OA2. Judgment in the Jordan Referral re Al-Bashir Appeal of 6 May 2019.

9 Уголовный кодекс Республики Узбекистан от 22 сентября 1994 г. № 2012-XII. Ст. 152

10 Конвенция против пыток и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения и наказания от 10 декабря 1984 г. Ст. 1

не только для Узбекистана. Р. Атаджанов объясняет это настороженностью государств Центральной Азии: они опасаются, что международная уголовная юрисдикция может стать инструментом политического давления11.

Выводы.

Государственная и индивидуальная ответственность — функционально дополняющие, но структурно автономные режимы. Коллизии между ними (атрибуция, иммунитет, стандарты доказывания) порождают системный «разрыв ответственности».

Комиссии международного права ООН целесообразно включить в программу работы тему унификации стандартов атрибуции государству поведения негосударственных акторов.

Форсированная ратификация Римского статута Узбекистаном на современном этапе нецелесообразна. Она потребовала бы устранить коллизии с конституционными институтами помилования, амнистии и парламентской неприкосновенности, а опыт Таджикистана показывает, что ратификация сама по себе не гарантирует совершенствования законодательства.

Без конституционной реформы предлагается:

ввести в УК состав преступлений против человечности;

расширить состав военных преступлений;

привести определение пытки в соответствие со ст. 1 Конвенции против пыток;

закрепить в УПК принцип aut dedere aut judicare и правозащитные ограничения экстрадиции;

реформировать институт Омбудсмана, чтобы получить статус «А» ГАНПЗУ.

Список использованных источников

11 Atadjanov R. Domestic Implementation of Crimes against Humanity in Central Asia // Asian Journal of Comparative Law. 2022. Vol. 17. Issue 2. P. 268–285

Резолюция Генеральной Ассамблеи ООН 56/83 «Ответственность государств за международно-противоправные деяния» от 12 декабря 2001 г. // Doc. A/RES/56/83.

Римский статут Международного уголовного суда от 17 июля 1998 г. // UNTS. Vol. 2187. No. 38544.

Конвенция против пыток и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения и наказания от 10 декабря 1984 г.

Уголовный кодекс Республики Узбекистан от 22 сентября 1994 г. № 2012-XII.

International Court of Justice. Case Concerning the Arrest Warrant of 11 April 2000 (Democratic Republic of the Congo v. Belgium). Judgment. 14 February 2002. ICJ Reports 2002.

International Court of Justice. Application of the Convention on the Prevention and Punishment of the Crime of Genocide (Bosnia and Herzegovina v. Serbia and Montenegro). Judgment. 26 February 2007. ICJ Reports 2007.

International Criminal Tribunal for the former Yugoslavia. Prosecutor v. Duško Tadić. Case No. IT-94-1-A. Appeals Chamber. Judgment. 15 July 1999.

International Criminal Court. Prosecutor v. Omar Hassan Ahmad Al-Bashir. Case No. ICC-02/05-01/09 OA2. Jordan Referral re Al-Bashir Appeal. 6 May 2019.

Bonafè B.I. The Relationship Between State and Individual Responsibility for International Crimes. Leiden; Boston: Martinus Nijhoff Publishers, 2009.

Atadjanov R. Domestic Implementation of Crimes against Humanity in Central Asia // Asian Journal of Comparative Law. 2022. Vol. 17. Issue 2. P. 268–285.